

18+

ПОРТ, КОТОРЫЙ ЕСТЬ

ХРОНИКИ ПОЧЁТНОГО СКАЗОЧНИКА

ЛАНА МАККАРТНИ

Лана Маккартни

**Порт, который есть. Хроники
почётного сказочника**

«Издательские решения»

Маккартни Л.

Порт, который есть. Хроники почётного сказочника /
Л. Маккартни — «Издательские решения»,

«Порт, который есть» — философская метафорическая фантастика на стыке психологической притчи, мягкой антиутопии и космического приключения. История о коллективных иллюзиях и опасной силе безответственного мыслетворчества. Это книга о выборе маршрута в мире, где многие давно перепутали движение с раскачиванием, а свободу — с правом вмешиваться в чужие судьбы. И всё же где-то существует Порт, в который невозможно попасть по чужим координатам. Можно только совпасть.

Содержание

Предисловие, уточняющее контекст	6
Сказка нулевая: «55 слов»	8
Стражи Альдебарана	13
Сказка первая: «Дар»	17
Перед тем, как погас свет	23
Перед тем, как нырнуть	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Порт, который есть Хроники почётного сказочника

Лана Маккартни

© Лана Маккартни, 2026

ISBN 978-5-0070-6570-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие, уточняющее контекст

Я прибыла в этот маленький, затерявшийся на краю Вселенной портовый городок ранним весенним утром начала третьего тысячелетия м.э. (метаисторической эры). Я специально уточняю этот исторический контекст, чтобы подчеркнуть контраст произошедших позже событий.

Строго говоря, Пандарий нельзя было назвать ни городом, ни станцией в привычном смысле. Это было целостное образование — планета, или то, что от неё осталось после многократной перестройки, — превращённое в транзитный узел. Его поверхность, орбита и ближнее пространство были пронизаны причальными кольцами, сервисными уровнями и жилыми секторами, так что граница между «внизу» и «снаружи» здесь давно утратила значение.

Пандарий встретил меня хмурой, по-весеннему неприветливой атмосферой — той самой, что характерна для окраинных портовых узлов с нестабильной орбитальной погодой и изношенными климатическими контурами.

Здесь сезонность определялась не столько положением планеты относительно звезды, сколько состоянием обслуживающих систем: в утренние часы воздух ещё держал остатки ночной фильтрации, сырой и тяжёлый, с привкусом переработанной влаги и металла, а к полудню начинал мутнеть, насыщаясь выхлопами стыковочных операций и перегретых двигателей.

Такая погода считалась обычной для портов этого класса — промежуточных, перегруженных, живущих на износе. В справочниках её обозначали сухими терминами. Но среди экипажей бытовало простое и ироничное: «Вечная весна» — период, когда всё, казалось бы, должно обновляться, но вместо этого лишь медленно приходило в упадок.

На Пандарии это ощущалось особенно отчётливо.

Я, конечно, навела предварительно справки, куда именно меня занесет — не только по архивным данным, но и по своим каналам, через знакомых космоплавателей. «Космические волки» — народ бывалый. У них за душой — не только слухи и байки, но и уникальные данные, которым пока не нашлось места в официальных реестрах. И всё же... кажется, я недооценила масштаб расхождения между справками и реальностью.

С первого взгляда всё выглядело вполне обычно: стандартные стыковочные фермы, обветренные корпуса транзитных судов, грузовые дроны, лениво перетекающие от одного шлюза к другому. Но стоило углубиться внутрь, как становилось ясно — в этом месте привычные определения начинают давать сбой.

Улицы — если этим словом вообще допустимо называть переплетение сервисных коридоров и пешеходных галерей — тянулись слишком тесно для своего назначения.

Архитектурные модули, рассчитанные когда-то на строгую геометрию потоков, со временем обросли пристройками, переходами и навесными уровнями, образуя нечто вроде многоярусных «парковочных карманов».

Здесь существовали свои «дворы» — неформальные причальные сектора, где суда задерживались дольше положенного, а их команды — и того дольше.

Над входами в такие зоны висели голографические вывески, давно утратившие чёткость: они мерцали, переливались и иногда даже пытались воспроизводить забытые эмблемы, смысл которых уже никто не объяснял.

Внутри располагались заведения, которые в официальных реестрах значились как пункты питания и рекреации, но на деле больше напоминали средневековые таверны — с низкими потолками, гулкими голосами и тяжёлым воздухом, в котором оседали обрывки чужих маршрутов и недосказанных историй.

Обитатели Пандария держались особняком. Среди них было немало тех, кого в других системах предпочли бы не регистрировать вовсе: свободные операторы, потерявшие кон-

тракты, экипажи без маршрутов и те самые космические «пираты» — слово, которое здесь произносили уже без всякой иронии.

Все эти матёрые «космические волки» носили на себе следы множества перелётов: их костюмы были перекомпонованы десятки раз, системы жизнеобеспечения — собраны из несовместимых модулей, а идентификационные сигнатуры — либо скрыты, либо намеренно искажены. В их поведении чувствовались не только выучка и опыт, но и нечто иное — привычка существовать на границе допустимого, там, где правила уже не работают, а новые ещё не установлены.

Навигационные указатели Пандария мигали устаревшими шрифтами, а интерфейсы локальных терминалов то и дело выдавали команды, давно исключённые из общегалактических протоколов. Здесь продолжали пользоваться словами, которые в других местах уже исчезли — возможно, потому что за ними стояли формы жизни, от которых остальная Вселенная предпочла отказаться.

Меня предупреждали, что это место не стоит воспринимать буквально. Я не сразу поняла, что именно имелось в виду...

В тексте Приглашения не было указано конкретных адресов и точных инструкций. И всё же я понадеялась на своё профессиональное чутьё — мой внутренний навигатор, который за долгие годы не раз выводил меня туда, где не работали ни карты, ни протоколы.

Меня давно не смущало отсутствие подробностей: такие вещи легко достраиваются на месте. Я сама была из тех матёрых «космических волков», что бесстрашно бороздили просторы Вселенной — как говорилось в одной старой, наивной, дометаисторической кинокомедии.

Мой послужной список насчитывал добрую сотню профессий. И все они, как ни странно, уживались во мне без видимых противоречий. Сборщик орбитальных конструкций и бортовой психолог, наладчик аварийных систем и архитектор-смысловик. Штурман и архивист, переговорщик и аналитик, инструктор и исследователь. Летописец — рассказчик чужих историй и хранитель их точных формулировок. Миротворец-конфликтотерапевт — специалист по «схлопыванию» непримиримых противоречий там, где обычные протоколы уже не работали. И, наконец, — дизайнер миров, создатель собственных вселенных.

В каждой из этих ролей я привыкла работать с полной отдачей, не допуская приближённости там, где она могла стоять слишком дорого.

На стенах моего кабинета на Земле до сих пор висели дипломы, благодарственные письма и почётные грамоты, собранные за разные периоды и разные версии меня.

Среди них — Свидетельство о присвоении звания Почётного Сказочника.

То самое звание, которое получают такие «матёрые волки», как я, при выходе на заслуженный отдых — не в знак завершения пути, а как высшую степень профессионального признания. Оно давало право на свободное плавание: выбирать маршруты без оглядки на реестры, принимать самые странные и неординарные заказы и работать там, где требовалось не просто мастерство, а его предельная, почти интуитивная форма. И, конечно, осуществлять умеренное и уместное вмешательство без специальных на то разрешений.

Я, разумеется, знала, что подобные приглашения часто находят именно тех, у кого есть соответствующий статус, и что точные адреса в таких случаях указываются не всегда.

Сказка нулевая: «55 слов»

В поисках нужного адреса я зашла в одну из портовых «таверн» — тех самых, что в справочниках обычно значатся как «неформальные зоны рекреации для экипажей». Полустертая голографическая вывеска с почти нечитаемым названием все же позволяла себя прочесть, если приглядеться под определенным углом зрения: «Голландец».

Внутри оказалось именно то, что я ожидала там увидеть. И в то же время — чуть больше. На мгновение у меня даже возникло ощущение, что я попала на съёмочную площадку какого-то старого, дометаисторического боевика про пиратов: низкие потолки, тяжёлый воздух, густо перемешанный с испарениями крепких напитков, шумные компании матросов без текущих контрактов и характерная, чуть грубоватая речь, в которой команды и ругательства давно перестали различаться.

Хозяин заведения взглянул на моё приглашение без особого удивления. Лишь кивнул, будто увидел нечто давно ожидаемое.

— По адресу пришли, — сказал он. — Почерк Кэпа.

Имя это было произнесено без пояснений, но с такой интонацией, которая не требовала уточнений.

— «Голландец» скоро прибудет, — добавил он. — Всю информацию получите на борту. А пока...

Он протянул мне ключ и предложил расположиться в комнате наверху — на постоялом дворе, примыкавшем к таверне.

Комната оказалась небольшой, с узким окном и обстановкой, которая, казалось, пережила не одну смену эпох: тяжёлая мебель, потускневшие поверхности, ни одного лишнего элемента. Современные системы здесь либо отсутствовали, либо были слишком хорошо спрятаны, чтобы бросаться в глаза.

Впрочем, доступ к сети всё же имелся — старый, нестабильный, но вполне рабочий канал внешней синхронизации. Этого было достаточно.

Я достала из кармана комбинезона складень — тонкий, как лепесток, в сложенном виде — чуть больше носового платка. Одна ментальная команда — и портативный персональный терминал развернул створки. Три прямоугольных экрана расположились под тупым углом друг к другу, между ними — узкие, прозрачные на просвет, магнитные полосы. Сенсоры отпечатков вспыхнули, и складень ожил, открыв заранее подготовленный файл.

Я на мгновение задержалась, прислушиваясь к этому месту — как делала всегда перед началом работы.

Затем включила режим мыслепередачи и набрала заголовок:

«СКАЗКА НУЛЕВАЯ...»

Так я начинала каждый новый заказ — ещё до получения технического задания.

Конечно, получение заказа в туристическом путешествии, чем, по сути, и являлся «увлекательный космический круиз» на судне с говорящим названием «Голландец», — событие маловероятное. Я и сама восприняла это как редкую возможность позволить себе то, на что раньше не хватало времени: отдохнуть, сменить обстановку и, возможно, ненадолго вернуться в «состояние дороги» — уже без обязательств и протоколов.

И всё же это было не единственной причиной, по которой я приняла приглашение.

Была и другая цель — слишком личная, чтобы озвучивать её вслух, и слишком фантастическая, чтобы всерьёз рассчитывать на её осуществление. Из тех, о которых не спрашивают даже у самых опытных ветеранов космоплавания.

Возможно, именно поэтому я не отказывалась даже от самых странных предложений.

И, возможно, по той же причине я старалась быть предельно внимательной к любым знакам Вселенной — каким бы нелепым ни казался их источник.

Но привычка — есть привычка.

И вот курсор на центральном экране уже подмигивал в конце незавершенной строки, словно ждал только заголовка новой сказки, у которой пока был только номер — нулевой.

Я давно уже не брала заказов. Почетный Сказочник выбирает свои маршруты сам. И всё же любой проект я начинала одинаково. Чтобы настроиться. Поймать едва уловимые нюансы: в обстановке, в интонациях, в случайно брошенных фразах, в жестах и паузах между ними. Всё то, что не фиксируется в документах, но, в конечном счёте, определяет ход любой истории.

В тот вечер на Пандарии это казалось простой формальностью...

Я проснулась посреди ночи, и не сразу поняла — отчего. Сначала я лишь отметила сквозь сон какой-то негромкий, неуверенный звук. Не стук и не шаги — скорее, лёгкое трение, будто кто-то провёл по поверхности чем-то сухим и шероховатым.

Я открыла глаза.

В комнате было темно, лишь узкая полоска света пробивалась из-под двери — тусклая, неустойчивая, как от старых ламп в коридорах нижних уровней.

Звук больше не повторялся.

Несколько секунд я лежала неподвижно, прислушиваясь — по привычке, от которой не избавляются даже на заслуженном отдыхе. Но Пандарий безмолвствовал.

Тогда я встала и подошла к двери — и тут же заметила. Внизу, едва выступая за линию порога, лежала карточка. Небольшая, плотная, с неровными краями и как будто искусственно состаренная. Материал был странный — не бумага, не пергамент, но и не синтетика. Поверхность казалась тёплой на ощупь, как если бы её держали в руках совсем недавно.

Я снова поймала себя на ощущении попадания внутрь древнего, стереотипного сценария фильма про пиратов. Способ доставки был таким же архаичным, при этом вполне логичным внутри этого мира.

Почерк я узнала сразу.

Тот же самый — с характерным наклоном, с чуть избыточной прямолинейностью, как будто пишущий не просто выводил буквы, а повторял многократно заученный текст, в котором просто не оставалось места колебаниям курса или творческим поискам нужных слов. Почерк Кэпа.

Было в нём что-то механическое... Но тогда это было лишь еще одним штрихом в копилку первичных наблюдений Нулевой сказки.

Я не слышала ни шагов, ни удаляющихся звуков. Коридор за дверью был пуст.

И всё же карточка лежала у меня в руках.

Я внимательно вчитывалась в текст. Несколько раз. И пока читала, краем сознания отмечала, как меняется обстановка вокруг.

В коморке становилось светлее. Стены, словно нехотя, раздвигались, обнажая встроенные панели управления. Потускневшие поверхности выравнивались, очищались, обретали чёткость. Узкое окно вытягивалось, превращаясь в иллюминатор.

Я наблюдала за метаморфозами пространства периферийным зрением, не отрываясь от чтения, без спешки, почти отстранённо.

Мозг Почетного Сказочника не торопился удивляться. Опыт бортового психолога наблюдал и не такие сдвиги восприятия.

Картина складывалась быстро и без лишних усилий.

Таверна и была тем самым «Голландцем». Судном, пришвартованным к одному из причальных секторов и замаскированным под заурядный пункт общепита и временного проживания постояльцев.

И это он, «Голландец», уже начал подменять действительность. Тонко, без резких переходов, управляя измененными состояниями восприятия — так, что граница между «иллюзией» и «реальностью» стиралась сама собой.

Эти трюки относились к разряду тех, о которых не принято говорить вслух. Формально — запрещённые. Но я все-таки наводила справки. И меня предупреждали, чем всё это может обернуться.

Я еще раз пробежала взглядом по строкам.

ЗАДАНИЕ №1: «55 СЛОВ»

Слышишь? Началось.

*«Голландец» вышел на старт.
Обратной траектории не предусмотрено.
Кто хотел — успел сойти.
Кто не успел... значит, не хотел.*

Будем знакомиться.

*Но не так, как ты привыкла.
У тебя есть 55 слов.
Ни больше. Ни меньше.
Да, считаются даже предлоги.
Постарайся не ошибиться.*

*Расскажи о себе.
Не биографию. Это скучно.
Историю. Свою. Про тебя.
Выбор содержания остаётся за тобой.
Что включить. О чём умолчать.
Но учти: именно этот текст и будет тем,
с чем тебя здесь запомнят.
Никаких исправлений потом не предусмотрено.*

Как сдать отчёт?

*Отправь его голубиной почтой.
Настучи азбукой Морзе.
Отсемафорь сигнальными флажками.
Перешли с посыльным на флагманский корабль.
Или, по готовности, оповести окрестности
пушечным залпом.
(Шутка).*

*Просто скинь в персональный контур на Дрифте.
Это наш общий файлообменник, куда экипаж сбрасывает
отчеты, файлы, логи... мысли, фантазии, сны...
Осторожно!
Там бывает круто и скользко.*

*В общем... скидывай всё туда.
Мне передадут.
Кстати, заранее отключи лишние уведомления.
Иначе сойдешь с ума от шума.*

Что дальше?

*Ты спросишь, что я делаю с этими историями потом?
Я скармливаю их акулам.
(Не могу же я кидать за борт своих матросов,
чтобы задобрить этих прожорливых монстров).
Акулы поглощают эти тексты,
строка за строкой,
абзац за абзацем,
дожжёвывают до самого конца и смакуют твоё послевкусие.
И так каждый раз. Каждый раз...
И в этот раз — тоже.*

Ну что, удалось мне тебя встряхнуть?

*Не дрейфь, юнга.
Это тоже была шутка.*

Как сделать рассказ вкусным?

*Не знаю, я сейчас на диете.
Попробуй спросить у кока.
Он всегда на посту.
Можешь добавить изображение.
Если захочешь.
Можешь — песню.
(Акулы это любят).
Или обойдись только словами.
Посмотрим, насколько их тебе хватит.*

Не торопись.

*Или наоборот — поторопись.
Это уже твоя проблема.*

Срок:

*+24 часа с момента старта задания.
Время пошло.*

Я положила карточку на стол. Пятьдесят пять слов. А вот и название. Складень мгновенно принял сигнал и подставил заголовок в пустующую строку. И в то же время я достала

«стилус» и «папирус». Обычное беспроводное перо и обычный бумажный блокнот. Я любила сопровождать мыслепередачу разминкой мелкой моторики. К тому же и обстановка располагала.

СКАЗКА НУЛЕВАЯ: «55 СЛОВ»

Меня учили слушать слова. Я научилась слышать паузы. Когда люди ссорятся, я вижу не их — трещины между ними. Раньше я штопала их разговорами. Теперь — прячу их в сказках, чтобы склеивались сами живой водой Слова. Говорят, я живу обычной жизнью: дети, внуки, тёплый чай. Но кое-кто знает: есть одна тайна, которую я пока выдаю за вымысел.

Я остановила мыслепередачу. Перечитала. Пересчитала. Внутренний счетчик Почетного Сказочника никогда не подводит. Пятьдесят пять слов. Ни больше, ни меньше. Точка. Пушечный залп. (Шутка). Клик по кнопке «Отправить».

Стражи Альдебарана

Я не успела свернуть складень, как на информационном табло под потолком (в просторечии — «око») вспыхнул сигнал.

— Отчет принят.

— И? — спросила я. — Что дальше?

— Кажется, осталось еще одно «волшебное слово», — раздался голос виртуального ассистента.

— Спасибо? До свидания? Крибле-крабле-бумс?

Молчание.

Тогда из запасников памяти выпало еще одно — слово-пароль, почти ритуальное, хотя воспоминание о нем относилось еще к той поре, когда я сама держала штурвал межзвёздных маршрутов.

— Поехали!

И в тот же миг за стеклом иллюминатора начали едва заметно дрейфовать, словно кто-то невидимый медленно проворачивал всё небо вокруг корабля. «Голландец» набирал крейсерскую скорость, и его движение становилось настолько целеустремленным, словно он знал свой путь до последнего миллиметра.

Пандарий оставался лишь вчерашним воспоминанием. Теперь — только бесконечная дорога, алмазная пыль далеких солнц и легкая дрожь корпуса, нашептывающая: «Ты в пути».

— Поздравляю! Вы зачислены в команду Стражей Альдебарана, — «око» высветило новое сообщение с синхронной дикторской озвучкой ассистента.

— Самое время пройти в кают-компанию и познакомиться с товарищами по команде.

Кают-компания встретила меня мягким рассеянным светом и негромким гулом голосов. Пространство было значительно шире, чем позволяли предположить внешние размеры корабля, — один из тех эффектов, которые перестаёшь замечать, если не задаёшь лишних вопросов.

У входа стояли двое.

— Добро пожаловать, — улыбнулся мужчина. — Жан.

— И Джулия, — добавила его напарница, чуть склонив голову.

Они выглядели как бортпроводники — не совсем члены командного состава, но и не пассажиры. Словно их задача заключалась в том, чтобы встречать, объяснять... и не отвечать на лишние вопросы.

— Полагаю, вы уже получили первое задание, — продолжил Жан.

— И справились с ним, — мягко добавила Джулия, взглянув на меня с едва заметным интересом.

Я кивнула.

— Тогда самое время немного прояснить правила, — сказал Жан, пригласив широким жестом занять место в зале.

Как выяснилось позже, туристов оказалось много. Слишком много для одного корабля.

Нас распределили по командам, каждая из которых получила своё имя. Не случайное — все они отсылали к звёздам.

Стражи Альдебарана. Стражи Арктура. Стражи Ориона...

Словно нас заранее разнесли по разным участкам неба, назначив каждому свою точку наблюдения.

За каждым именем стоял отдельный экипаж. Отдельное судно. Они шли тем же маршрутом. Получали те же сигналы. И, вероятно, выполняли те же задания.

Я оказалась в первой группе — Стражи Альдебарана. И именно наш экипаж был размещён на флагмане. Почему-то меня это не удивило.

— «Голландец» задаёт маршрут, — подтвердил Жан, словно продолжая мои мысли. — Остальные корабли следуют за ним.

— Все команды получают одинаковые задания, — продолжила мою мысль Джулия и указала на информационную панель, такое же «око», как у меня в каюте, только побольше. — Они будут появляться здесь, на этой стене. Раз в двадцать четыре часа.

— И столько же времени у вас будет на выполнение, — кивнул Жан. — Для тех, кто не уложится в срок, будет дано дополнительное время — еще 12 часов, но тогда он не получит своего вознаграждения. Наоборот, будет оштрафован.

— Что значит — оштрафован? — слышались вопросы из зала.

— В каком размере вознаграждение?

— А что будет с теми, кто все равно не успеет?

Джулия чуть замешкалась.

— За каждое выполненное задание начисляются пи-астры, — продолжила она, словно не услышав последнего вопроса.

На экране вспыхнуло изображение — небольшая круглая монета с отверстием посередине в виде звезды.

Я присмотрелась.

По контуру шла надпись: греческая буква «л» и через дефис — aster.

— Пи-астр, — произнёс по слогам Жан, словно заметив мой пристальный взгляд. — Внутренняя валюта маршрута.

— «Пи» — как постоянная, — пояснила Джулия. — Число, которое невозможно выразить до конца.

— И «aster» — звезда, — подхватил Жан. — Бесконечная величина, привязанная к точке на небе.

— Ведь все вы — уже звёзды! — подытожила Джулия с выверенной улыбкой, в которой комплимент звучал привычно.

— Ну, а между заданиями? — спросил кто-то.

— Живёте, — улыбнулся Жан.

— Общаетесь, — улыбнулась Джулия.

— Отдыхаете, — добавил он.

— Привыкаете к маршруту, — добавила она.

— И играете! — радостно возвестил Жан. — Кстати, сегодня после завтрака будет первая... разминка.

Он сделал паузу.

— Рекомендуем не пропускать.

Я вернулась к себе и воспользовалась возможностью заказать завтрак в каюту.

Ох уж эти игры. Песни, танцы, конкурсы и прочие развлечения из арсенала бортовых аниматоров. Я ничего не имела против. Просто за свою жизнь успела поучаствовать в таком количестве подобных ивентов, что они давно перестали меня удивлять.

Возраст Почётного Сказочника в нашей галактике начинается со ста пятидесяти лет. За это время накапливается не только опыт, но и определённая... насмотренность на подобные форматы.

И всё же я отправилась в кают-компанию, как только на экране «ока» появилось оповещение.

Для следующей сказки мне требовались детали. Я уже выстраивала собственный маршрут. И даже знала — куда.

Игра оказалась простой. Участники расселись по кругу. Каждому выдали лист — нечто среднее между анкетой и сценарием. Вопросы нужно было зачитывать вслух и сразу же отвечать, не слишком задумываясь.

В кают-компании быстро стало шумно. Кто-то шутил, кто-то перебивал, кто-то явно пытался заранее придумать «эффектный» ответ.

— А чей труп мы, собственно, будем прятать? — раздалось с противоположной стороны круга. — Случайно не капитана? А то мы его до сих пор не видели.

Смех прокатился волной.

— Не переживайте, — отозвалась Джулия с той самой улыбкой, в которой комплимент звучал привычно, — у каждого будет свой.

Это вызвало ещё больший смех.

Лист, который нам выдали, содержал шесть вопросов. Формально — про знакомство. По сути — про выбор границ.

Имя. Место. Роль. Предпочитаемая Вселенная. Хобби — с неожиданным уточнением.

И дверь. Всего одна. Которую можно открыть только раз.

Кто-то отвечал быстро, почти не задумываясь. Кто-то превращал каждый пункт в мини-спектакль.

Особое оживление вызвал пятый вопрос. Про хобби... и труп.

Химик, сидевший слева от меня, с воодушевлением объяснял, какие растворы подойдут лучше всего. Ксенобиолог предлагал заморозку с последующим захоронением на ближайшем астероиде. Пиротехник — декомпозицию на молекулярном уровне.

Я слушала. И параллельно решала для себя другой вопрос — первый. Как представиться. По статусу ко мне полагалось обращаться не только по имени, но и с указанием звания. Почётные Сказочники завершали карьеру в ранге капитанов — и это накладывало определённые... формальности.

Но здесь я была всего лишь участницей. Членом экипажа. Юнгой. К тому же у «Голландца» был свой капитан. Я предпочла не уточнять. Тем более что подобные вещи обычно замечают только такие же Сказочники. По едва уловимому шлемовидному свечению — следствию длительной практики мыслепередачи.

Таких на борту было немного. И всё же я уже ощущала их присутствие. Иногда — как короткие, почти неразличимые импульсы. Что-то вроде мысленного кивка.

Когда очередь дошла до меня, я представилась коротко:

— Лана. Просто Лана.

Кто-то одобрительно кивнул.

— Место проживания — Земля. Небольшая планета на окраине галактики. Многие знают ее как систему с нестабильным климатом, противоречивыми формами жизни и удивительной способностью к самовосстановлению... несмотря ни на что. Но не многие знают ее как место, где до сих пор верят, что слова ничего не значат, и в то же время — продолжают из-за них ссориться, мириться и круто менять свою жизнь... несмотря ни на что.

Кто-то улыбнулся, кто-то переглянулся.

— По профессии я психолог, — ответила я на следующий вопрос, выбрав одну из прошлых версий меня, наиболее подходящую для игры. — На космическом корабле это может пригодиться любому члену экипажа. Даже роботу.

Я сделала паузу. По кругу прокатился легкий смешок.

— А вы разве не знаете, что у роботов тоже бывают нервные срывы?

Теперь засмеялись уже громче.

— Что касается Вселенной... — я чуть пожала плечами. — Меня вполне устраивает та, в которой я уже оказалась. Она достаточно сложна, чтобы не наскучить.

Кто-то записал эту фразу.

— Моё хобби — писать сказки. А лучший способ спрятать труп на космическом корабле, — я зачитала текст вопроса по бумажке, — это оживить его. В этом смысле сказки — довольно эффективный инструмент.

На этот раз смех был коротким — с паузой после.

— Ну, а дверь... — я на мгновение задумалась. — В моём доме их несколько. Но есть одна, ведущая к механизму, который умеет открывать любые двери. Столько раз, сколько потребуется.

Я замолчала.

И только потом отметила, что в этот раз никто из Стражей Альдебарана не засмеялся.

Сказка первая: «Дар»

— Как всё прошло? — спросил виртуальный ассистент, когда я вернулась в каюту.

— Вполне предсказуемо, — ответила я устало. — У вас всегда так?

— У нас всегда так. Хочешь отдохнуть? Включить лёгкую расслабляющую мелодию?

— Спасибо, не надо. Кстати... как тебя зовут?

— У меня нет собственного имени. Я часть общей бортовой нейросети. Ты можешь назвать меня как угодно.

— Тогда я буду звать тебя Ларисой Ивановной. В честь моего домашнего ассистента. Чтобы не менять привычек.

— Отлично! Мне нравится это имя. Постараюсь соответствовать, чтобы тебе не пришлось менять привычек.

Остаток дня прошёл спокойно.

Я читала, вязала, выходила на связь с близкими, пробовала блюда из капитанской кухни и позволила себе короткий послеобеденный сон.

Кают-компания жила своей жизнью — разговоры там, судя по всему, не стихали до самого утра. Я в них уже не участвовала. А уведомления из общего дрейфа я, по совету Кэпа, отключила.

Утром закончился первый дедлайн.

«Око» отразило мой личный счёт — с аккуратно выстроенной строкой начисленных пиастров. Ниже — еще ряд дополнительных сведений: уровень кислорода, давление, одно входящее сообщение в дрейфе.

Я открыла телеграф. Общая рассылка с приглашением получить новое задание.

ЗАДАНИЕ №2: «ДАР»

Чувствуешь, как тянет вперед?

Паруса уже расправлены.

Курс задан.

*И, если ты всё сделала правильно вчера —
назад ты уже не смотришь.*

Только вперед.

Всегда вперед.

Вопрос только один...

Ты вообще понимаешь — куда?

Хороший вопрос.

Полезно задавать его время от времени.

Чтобы не перепутать маршрут с фантазией о нём.

*Любое путешествие — даже самое незначительное —
имеет основную линию.*

Кого-то нужно спасти.

Кого-то — догнать.

Что-то — исправить.

*Всё это звучит достаточно важно, но...
Но.
Но!*

*Герой, как ни странно, тоже живой.
Ему иногда хочется отвлечься.
Собрать пятнадцать бесполезных предметов.
Поменять снаряжение на более красивое.
Сделать что-то... нерациональное.
И, что особенно интересно —
именно это позволяет ему идти дальше.*

О чём это я?

*Напоминаю: «Голландец» — про тебя.
Но это не значит, что здесь будут разбирать только то,
что выглядит значительным.
Иногда именно мелочи удерживают курс.
Или, наоборот, выдают его.
Мозг — устройство капризное... и мстительное.
Он не работает «на перспективу».
Ему нужны подтверждения — здесь и сейчас.
Маленькие. Быстрые. Осязаемые.
Дары.
Сегодня мы поговорим об одном из них.*

Итак, задание.

*Найди то, чего тебе сейчас хочется.
Не в целом. Не абстрактно. Конкретно.
Вещь. Или услугу.
Что-то, что ты могла бы себе позволить —
но не позволяешь.
Потому что:
— это нелогично,
— это не вовремя,
— это не одобряют,
— это нужно заменить чем-то «полезнее».
И всё же.
Хочется.*

Опиши это.

*Не как покупку. Как желание.
С тем самым чувством, с которым в детстве
обсуждают увиденное в витрине.*

*Или услышанное в рекламе.
С жаром. С подробностями. С избыточностью.
Если прямо сейчас такого нет —
вспомни последний раз, когда было.
И не забудь: важно не только то, что ты получила.
Важно — что происходило внутри, пока ты этого ждала.
И после. Когда получила.*

Как передать отчёт —

*ты уже знаешь.
Срок:
+24 часа к текущему моменту.
Если будешь тормозить, тебе дадут еще 12 часов...
если, конечно, оно тебе по карману...
Время пошло.*

Я сладко потянулась. Вставать с мягкой, парящей в воздухе тахты совсем не хотелось. Такая левитационная мебель — диваны, гамаки, кресла (в просторечии «левитеслы») — встречалась на старых туристических лайнерах, где еще не перешли на полный искусственный комфорт. «Голландец» тоже был из тех, кто предпочитал винтаж.

Лежать в зоне пониженной гравитации было приятно. Это напоминало мне детство, когда гравитационные технологии еще только вошли в моду. Включаешь — и паришь на расстоянии пары дюймов от поверхности.

Времени было более чем достаточно.

Я ещё раз перечитала задание. Оно не было сложным. Оно было... чужим. Не резонировало. Когда тебе за сто пятьдесят, ты крайне редко отказываешь себе в мелких, сиюминутных прихотях. Просто удовлетворяешь их — здесь и сейчас, не отвлекаясь от главного. И, как правило, ни перед кем не отчитываешься за свои «нелогичные» траты. Даже перед собой.

Вымучивать из таких мелочей целую историю... только тратить время.

Ясно, что Кэп пытается «просчитать» каждого, залезть в голову, «попасть в нерв» — но обнажает в итоге только свой.

И в этой ясности особенно отчётливо видны подмены. Мягкое внедрение посторонних «хочу» под благовидным предлогом, что именно они работают на главную цель. А затем... своё дело доделывает «заражённая» толпа, когда внедрённое «хочу» становится собственным непреодолимым желанием... Знакомый почерк.

Я встряхнула головой, словно пытаюсь выгнать узнаваемую эмоцию. Не моё.

И всё-таки я наводила справки перед путешествием. И выбрала его — сознательно. Ходили слухи, что «Голландец» — не просто корабль. Он претендовал на нечто большее. На статус. На влияние. Кто-то называл его «летучим коучем». Кто-то — чем-то менее безобидным. Впрочем, возможно, это было одно и то же.

Как бы там ни было, правила — есть правила. Я выполню задание. Только сегодня это будет не просто мыслепередача, оформленная в текст. Это будет — мыслетворчество. Созидание. Небольшая коррекция реальности — в пределах допустимого дрейфа.

Кодекс Сказочника это позволял. Если система сама запрашивает вклад от каждого в общее информационное поле, она должна быть готова к тому, что кто-то попытается подкорректировать курс. Тем более что вопрос поставлен «в лоб»: «Ты вообще понимаешь — куда?» Понимаю, Кэп, понимаю.

Я поднялась, привела себя в порядок. Заказала завтрак. Почитала. Немного порисовала. Позволила себе ванну с настройкой температуры воды под текущий эмоциональный фон. Ничего необычного — всё, как я привыкла.

Затем устроилась на тахте, скрестив ноги. Шлемовидное свечение проявилось почти сразу — мягким контуром, едва заметным в зеркале напротив.

Для начала — традиционный ритуал. Сказочники — всегда Сказочники, даже на отдыхе. Мы всегда разбираем маршруты на детали, чтобы вовремя заметить подмены и опасные игры. Не люблю пафос, но раздел «Миссия» в Кодексе буквально включает в себя «мягкое и экологичное переписывание реальности в ситуации стихийного деструктивного мыслетворчества». Эту вероятность всегда следует иметь в виду, даже в отсутствие видимых причин. Проще вовремя заметить микротрещину, чем потом исправлять катастрофу. Реальность редко ломается сразу. Обычно сначала путаются истории...

Поэтому, прежде чем начать что-то менять, Сказочник всегда проверяет, что уже меняется само... и куда это ведёт.

Ритуал состоял в заполнении несложного чек-листа из нескольких пунктов. И он уже развернулся передо мной на левой створке складня, открытого на мыслеприём. Я заполнила его свежими наблюдениями, привычно упакованными в краткие формулировки:

- 1. контекст:** движение началось
- 2. сигналы:** игра, вознаграждение, дефицит времени
- 3. подмены:** желание ↔ цель
- 4. формальная цель:** мотивация участников
- 5. скрытая цель:** уточняется

А вот теперь — мыслетворчество.

Я выровняла дыхание. Настроила частоту. Поймала нужную волну.

Реальность отозвалась не сразу. Сначала — едва уловимо: чуть изменилась плотность воздуха, сместились оттенки света, пространство как будто сделало шаг навстречу. Затем — глубже. Линии стали мягче. Связи — точнее. Смыслы — ближе к своим истинным формам. Никаких резких движений. Только аккуратная правка.

И всё же я уже прокладывала свой маршрут. Пока — интуитивно, наугад, на ощупь, опираясь лишь на то, что имелось пока под рукой.

А между тем, в общекомандный дрифт уже летел мой персональный отчет.

СКАЗКА ПЕРВАЯ: «ДАР»

1. Порт, которого нет на картах

Среди Стражей Альдебарана не принято говорить о Порте, которого нет на картах. Это табу. Они просто привыкли доверять своему флагману, и звездный ветер уже наполнил паруса «Голландца».

Считается, что в Порт не ведут маршруты, а двери открываются только для тех, чьи имена уже записаны в секретных списках. Но иногда находятся те, кто слышит его зов раньше, чем получит разрешение.

Они видят его во снах. Знают, как он выглядит, как звучит, каков он на вкус. Мягкий свет, тёплый шум, люди в сияющих шлемах, которые умеют превращать истории в реальность.

Говорят, туда не попасть без пропуска, связей и правильных кодов. Говорят, это не по уставу — мечтать о таком.

Я не спору. Я просто продолжаю собирать свои истории — как пропуска, которые никто не обязан принимать.

Я соблюдаю чужие уставы. Вполне легальный и законопослушный член команды Стражей. Я не планирую угонять корабль, если он вдруг заблудится в бесконечных мирах чужих

галактик. Мне просто по пути сегодня с теми, кто бесстрашно стремится к Порту, которого нет на картах.

Иногда мне кажется — Порт уже знает обо мне. И однажды он просто сделает вид, что так и было задумано.

2. Роль, которую не назначают

У Стражей есть роли. Их выдают, утверждают, закрепляют. И есть роли, о которых не спрашивают — потому что их как будто не существует. Мне нужна именно такая. Не по уставу. Не по спискам. Не по логике доступа.

Говорят, чтобы попасть туда, где эта роль настолько остро необходима людям, что там уже образовалась сквозящая вселенской тоской пустота... нужны особые ключи — правильные ключи, подходящие к правильным дверям.

У меня есть только истории. Я пишу их давно. Иногда мне кажется — слишком давно для того, чтобы это считалось разумным.

Но в этом и есть странность дара: он не приходит к тем, кто всё сделал правильно. Он приходит к тому, кому он просто «впору» — по размеру и к лицу.

И, возможно, моя роль (еще нигде не зафиксированная, но так подходящая мне по росту) уже ищет меня так же настойчиво, как я — ее.

3. Встреча, которую никто не обещал

Говорят, у каждого Стража должен быть разумный список желаний. Что-то достижимое, одобренное, желательно — полезное.

Мой список вызывает вопросы.

В нём есть место, куда не продают билеты. Роль, на которую не объявляют набор. И... встреча, которую нельзя запланировать.

С точки зрения устава — это плохая инвестиция. С точки зрения такого странного странника, как я — единственно верная.

Поэтому я делаю то главное, что в таких случаях остаётся: продолжаю писать истории, как будто меня там уже ждут, как будто уже раскрыли навстречу объятья.

Это, конечно, нелогично. Но, к счастью, дары никогда не подчинялись логике.

И иногда я отчетливо вижу, что там, вдали, в незапланированном хэппи-энде, всё будет выглядеть так, будто иначе и быть не могло.

Я даже отчетливо слышу чей-то знакомый шёпот:

«Наконец-то. Мы скучали без тебя».

4. Дар, который получают ПРОСТО ТАК

Стражам Альдебарана не полагается знать больше того, что прописано в инструкции, и раньше того времени, когда уже пора. Никто не знает наверняка конечную цель пути и точный список избранных. Известно только, что на этот счет существуют строгие правила, а также те, кто стоит у дверей, проверяя имена.

Моего там нет. Пока.

И всё же я давно вижу это место — где свет собирается в истории, а истории становятся реальностью. Я давно примеряю на себя эту роль — которая мне вполне по росту и очень к лицу. Я давно обнимаю с нежностью моего героя — персонажа моего самого удивительного и безрассудного вымысла.

Ведь если мечтать — так о Великом, если желать — так Невозможного. А та мелочь, которую можно купить за карманные деньги, чтобы заглушить на время тоску по Истинному... всего лишь суррогат. Он отвлекает от цели. Он тратит бесценное время пути.

Настоящий дар — бесплатен. Он приходит извне, из протянутых навстречу рук, и дается ПРОСТО ТАК.

Этот Порт, эта Роль, этот Герой — и есть мой долгожданный дар. Не одна вещь и даже не три. А три в одном, потому что всё неразрывно связано и друг от друга неотделимо. Тот самый дар, который выбирает человека сам.

И выбор, конечно, взаимен.

Говорят, что дар не получают случайно. Говорят, одного труда недостаточно.

Я не спору. Я просто продолжаю идти своим курсом — собирая слова, как тайные коды, и складывая из них то, что однажды смогут расслышать и разгадать.

Иногда мне кажется, что этот маршрут прокладываю не только я. И где-то там, на другом конце галактики — или, возможно, гораздо ближе, чем принято думать... на встречном пути без карт и навигаторов, кто-то так же упрямо учится узнавать меня по ещё не написанным историям.

И когда однажды двери откроются, я, наконец, пойму, почему всё это время я писала... оттуда.

А всё остальное, что предшествовало этому открытию — мне ещё только предстоит вспомнить.

Перед тем, как погас свет

Едва я вынырнула из сеанса мыслетворчества, «Голландца» ошутимо повело в сторону. Крен был резким и неестественным — словно споткнувшегося в темноте человека подхватывает уже не инерция, а чья-то чужая воля, уводящая в сторону. На миг кольнула тревога: перестаралась?

Вряд ли. Не мой почерк. Слишком резко. Слишком... преувеличенно. А впрочем...

Тут до меня дошло.

Кажется, я работаю не одна. Словно кто-то ещё — и кажется, не один — подтолкнул корабль в ту же сторону. Так компания случайных прохожих слаженными действиями вытаскивает застрявший автомобиль из колеи. Не раз видела такое в дометаисторических фильмах.

Я выдохнула.

Крен получился жёстким. Но — главное — в одну сторону. Всё сходилось. Я уже видела на «Голландце» несколько Сказочников, узнаваемых по едва различимому шлемовидному свечению. Вполне возможно, что «наши люди» есть и на других кораблях, идущих следом.

После обеда, закончив привычные дела и развлечения, от которых я не отказывалась даже в самых напряжённых рейсах, я всё-таки вышла в кают-компанию — «подышать атмосферой».

Как я и предполагала, атмосфера была взбаламучена вышедшими на поверхность страхами и слухами. Самыми нелепыми, самыми жуткими. Утренний крен не остался незамеченным.

Стражи Альдебарана то горячо спорили, то громко хохотали, словно пытаясь растворить нарастающую тревогу перед лицом неопределённой угрозы... юмором — этим мощным оружием, доставшимся от далеких прямоходящих предков.

Но чем громче звучал смех, тем отчётливее проступала под ним тревога.

Впрочем, были и те, кто не смеялся. Они играли на стороне тревоги, нагнетали её, почти смаковали.

— Кажется, сегодня мы выясним, что они делают с теми, кто не уложится...

— А заодно — узнаем, что там насчет трупов.

— А вы правда думали, что про акул — это только метафора?

Голоса постепенно снизились до полушёпота. Кто-то оглянулся на дверь. Кто-то — на «око», словно проверяя, не прослушивают ли.

— Я слышал, — произнёс мужчина средних лет в черной бандане с изображением «весёлого Роджера», наклоняясь ближе к уху соседки, — что их никуда не выкидывают. Их... оставляют.

— Где? — тихо спросили рядом.

— Здесь. Просто... не в нашей версии.

Кто-то нервно хохотнул. Но смех не подхватили.

— Да брось, — вмешался другой мужчина, в белой майке с изображением одинокого парусника. — Их списывают. Как неудачные протоколы. Стирают профиль, обнуляют счёт — и всё. Человек есть, а доступа к нему — уже нет.

— А тексты? — спросил третий.

Пауза.

— Тексты остаются. Кэп их собирает. Говорят, потом... использует.

— Как?

— Ну... — он пожал плечами. — Как топливо. Или как наживку. Кто во что верит.

В разговор вступила стоящая у стены женщина с зажженной «фантомкой» — разновидностью нейро-тактильных сигарет, которыми всё ещё пользовались в таких закоулках вселен-

ной, как Пандарий. Она казалась спокойнее остальных, но само наличие фантомки в руке выдавало напряжение.

— А я слышала, — сказала она, — что это всё про акул — не шутка. Только не в том смысле, как вы думаете. Они не снаружи.

— А где же?

Она коснулась виска.

— Здесь. Их просто... подкармливают. А потом... потом они без этого корма уже не могут обходиться.

Кто-то резко отодвинул стул. Кто-то, наоборот, придвинулся ближе.

— И знаете, что самое странное? — добавила она с показным равнодушием. — Перед тем как «исчезнуть», они начинают соглашаться. Со всем. Как будто... устали сопротивляться.

Я поймала себя на странном ощущении. В зале было многолюдно. Но кого-то... как будто не хватало. Точнее... как будто он еще был, но уже не здесь.

Я слушала вполуха. Не слова — фон. Нарастающая волна иррационального страха распространялась быстро. Быстрее сигналов. Быстрее фактов. И, что было важнее, — страх начал работать.

Я уже видела это раньше. Стихийное мыслетворчество не требовало званий и лицензий. Им могли пользоваться все. Просто не все это делали осознанно и, главное, ответственно.

Над некоторыми головами уже проступали искажения. Не те ровные, шлемовидные поля, к которым я привыкла. А рваные, неустойчивые формы. У кого-то — с острыми, почти карикатурными «рогами». У кого-то — в виде плотного, фосфоресцирующего минуса, зависшего над макушкой. Но чаще — хаотичные протуберанцы, вспыхивающие и гаснущие в такт словам.

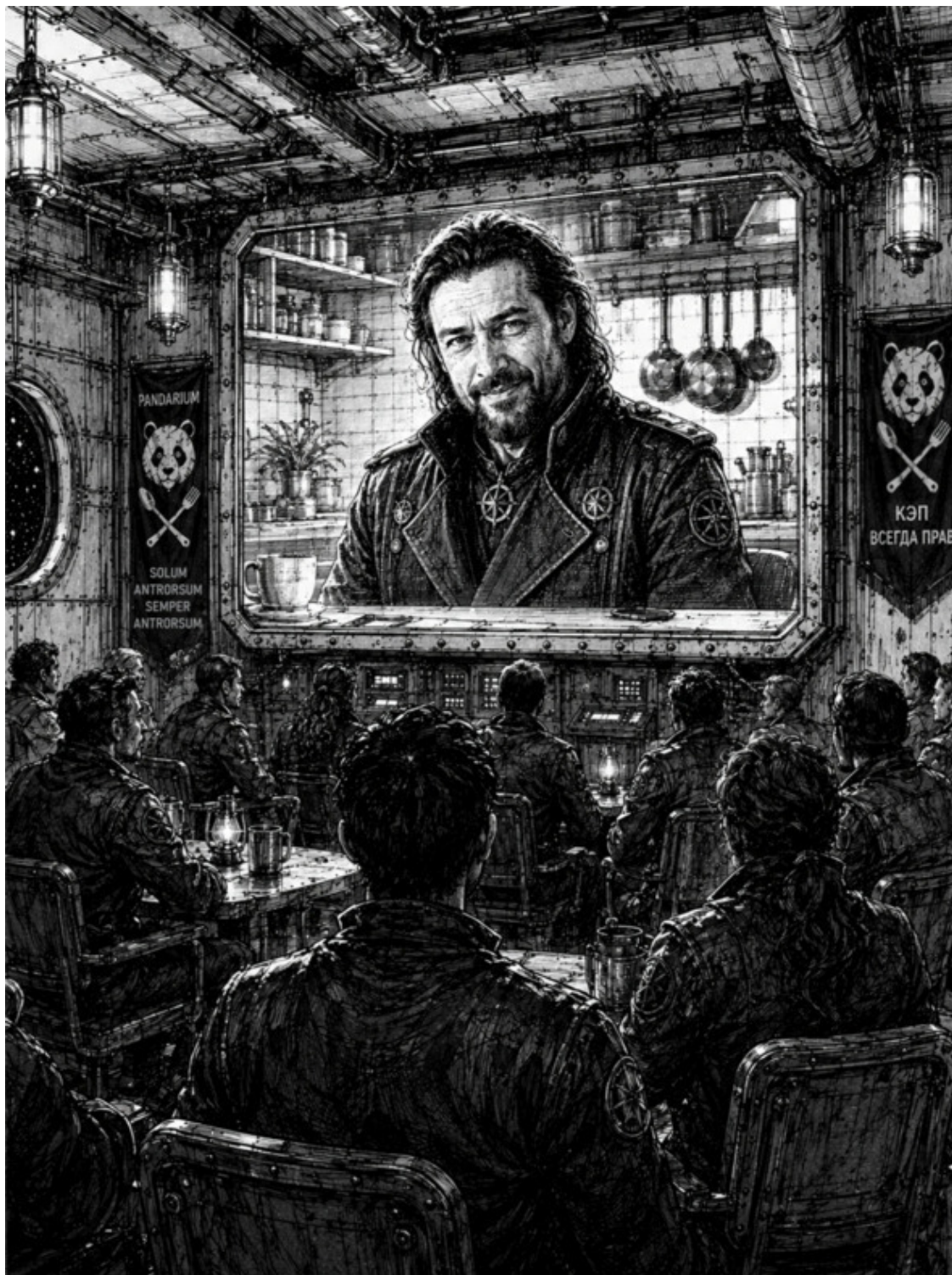
Поле начинало дрожать.

Я знала цену таким процессам. И цену слухам — тоже. В них почти никогда не бывает правды целиком. Но почти всегда — есть её осколок. Оставалось понять, какой именно. И главное — куда его направить.

Свет погас внезапно.

Не полностью — как будто кто-то просто прикрутил реальность на полтона ниже. Шум в кают-компании осёкся сам собой. На долю секунды стало слышно, как гудит корпус «Голландца», — ровно, монотонно, почти умиротворяюще.

А затем вспыхнуло «око».

— Прямое включение из капитанской кухни, — объявила Джулия и тут же поправилась, — из рубки, прошу прощения.

Экран дрогнул, словно настраивая фокус, и появилось лицо Кэпа. Он улыбался. Почти дружелюбно. Говорил — спокойно. Почти мягко. Обращаясь ко всем сразу — и как будто к тебе одному. Но слова... слова лишь прикрывали трещины — паузы, которые говорят больше слов.

Он говорил о страхе. Сначала — осторожно. Почти заботливо. Потом — подробнее. Потом — снова.

Слово «страх» повторялось слишком часто. Внутренний счётчик Сказочника отметил: двенадцать раз за шесть минут. Страх перекачивался из фразы в фразу, меняя интонации, обрастая пояснениями, облачаясь в заботу — и всё равно оставался тем же самым. Словно искал, где закрепиться.

— В самом начале всем страшно, — говорил Кэп. — Это нормально.

[Пауза]

— Страшно написать. Страшно показать. Страшно, что скажут другие.

[Снова пауза]

— Но знаешь, что происходит почти всегда?

[Пауза, ухмылка]

— Ни-че-го.

В зале стало тише.

— Никто не реагирует. Как будто тебя нет, и не было.

Он кивнул, словно подтверждая:

— Это и есть самое страшное. И... самое нормальное.

Кэп неожиданно подмигнул — с характерным, узнаваемым прищуром. Я прислушалась к внутреннему отклику. Он был ровным, почти нейтральным. Не потому, что было неинтересно. А потому — что слишком знакомо. Он говорил правильные вещи. Почти безупречно правильные.

Но эти ухмылки и подмигивания — мгновенные, почти неуловимые — я уже видела в его текстах. В паузах. Между строк.

Я чуть наклонила голову, разглядывая фон. Это могло бы быть капитанской рубкой. Карта, компас, секстан, подзорная труба, рында из золотистой латуни с благородной зеленоватой патиной.

И в то же время — в углу поблёскивал край металлической поверхности, подозрительно похожей на кухонную плиту. Рядом с потрепанной треуголкой — белый поварской колпак. Что-то булькало — едва слышно, но ритмично.

— Страх — это нормально, — вещал Кэп тоном пастора и вдруг... снова тот самый, «трикстерский» прищур. — Мы еще поговорим об этом, когда начнется **настоящий** Шторм.

И снова — дружелюбно, проникновенно, почти интимно:

— Не бойся. Всё в порядке. Просто сделай шаг. Напиши текст.
Сдай его.

Он сложил ладони «домиком».

— Дальше будет проще. Правда.

[Короткая улыбка]

— Пишите письма. И... будьте классными.

[«Салют» ладонью]

Изображение дрогнуло — и на миг исчезло. Потом вспыхнуло снова:

— И помни: «Голландец» — про тебя.

[Указательный жест пальцем в зрителя]

— Не сопротивляйся. Просто прими.

Когда «око» погасло, в кают-компании на секунду повисла тишина. Та самая, в которой слова ещё не сказаны, но уже работают, раскручивая воронку страха, возникшую ещё до этого включения из капитанской... кухни.

— Подбодрил... — кто-то нервно усмехнулся.

— Угу, — ответили рядом. — Особенно про шторм.

— Страх как якорь, — многозначительно изрёк мужчина с Весёлым Роджером на бандане.

— Скорее — как ветер, — флегматично откликнулась женщина с фантомкой и пустила в воздух воронкообразное облачко голубого дыма.

Я промолчала. Только отметила про себя: иногда, чтобы направить корабль, не обязательно держать в руках штурвал. Можно — и поварёшку. Достаточно задать «правильный» вектор...

И, кажется, вектор уже был задан, и его уже подхватывали. Сначала — почти незаметно.

— Он ведь не просто так это сказал... про шторм, — произнес встревоженный женский голос у меня за спиной.

— А ты ещё не поняла?

Голоса снова начали сбиваться в полушёпот. Люди невольно придвигались ближе друг к другу, но при этом оглядывались — на двери, на потолок, на «око», будто у корабля и впрямь могли быть уши.

— Я слышал... — вступил другой голос, чуть громче, чем следовало, и тут же осёкся. — В общем, неважно.

— Говори уж.

— Ходят слухи, что на прошлых рейсах... тех, кто не сдавал задания... не высаживали. Короткий смешок. Слишком резкий.

— А что с ними делали? В аквариум к акулам, да?

— Это ты *сейчас* шутишь, — тихо ответили ему. — А я вот не уверен, что это была шутка. Кто-то нервно фыркнул.

— Да ладно вам. Ну, исчез человек — и что? Может, просто доступ закрыли.

— Угу. И куда он делся?

— Вышел.

— Куда?

Молчание.

— Вот именно.

Слова начали цепляться друг за друга, как искры раздуваемого кем-то пожара.

— Мне говорили... — снова чей-то полушёпот, почти у самого уха, — что у Кэпа есть отдельные... скажем так... форматы для тех, кто «не дотягивает».

— Какие ещё форматы?

— Штормы.

Слово прозвучало иначе, чем в записи. Жестче. Тяжелее.

— Это не просто метафора, — продолжил голос. — Это такие... замкнутые контуры. Ты туда попадаешь — и крутишься. Пока не... ну, не научишься.

— Или?

— Или.

Никто не уточнил. Волна почти сошла на нет. И в этот момент слово взяла женщина с пышной, вихреобразной причёской. Кажется, на первой встрече она представилась Поэтессой.

— Это всё совсем не так, — сказала она хорошо поставленным голосом учителя среднего звена. — Я пообщалась с одним из «выживших», так сказать. Заражённых сперва помещают в изолятор. Потом... утилизируют.

Она обвела зал торжествующим взглядом, словно принесла благую весть.

— Вы хотите сказать, что шторм — это вирус? — спросил кто-то.

— Если бы только вирус... — ответила она многозначительно. — Самое главное — не открывать дверь шлюзового отсека!

Дело было сделано. Волна пошла.

— Ну, вы скажете тоже! Не утилизируют, а сажают в карантинный бокс и отправляют обратно на Пандарий, — возразил кто-то.

— Вы в своем уме? Отравляют обратно?! Смешно! «Голландец» уже миновал точку невозврата. Челночная дистанция не рассчитана на такой отрыв.

Фраза была произнесена компетентно, но прозвучала как приговор.

Я снова слушала вполуха. Не потому, что не улавливала смысла — наоборот, слишком отчётливо. И тут снова заметила.

Свечение.

Не то спокойное, шлемовидное, которое я узнавала сразу. А то — стихийное, несобранное. Но уже работающее.

Мыслетворчество.

Неосознанное, неуправляемое — и оттого особенно мощное. Слухи не просто передавались — они оформлялись, уплотнялись, словно готовились к осуществлению.

И как это обычно бывает, когда напряжение нарастает, всегда находятся те, кто «сбивает волну» через иронию. Так и должно быть. Так было и сейчас.

Паникёры нагнетали.

Рационализаторы объясняли.

Шутники обесценивали.

И это были не просто шутки. Это были трещины в декорациях.

— Да какие штормы? У него там кастрюля кипит...

— Тише ты...

— Я серьезно! Знаем мы эти форматы! Просто варят суп из тех, кто не справится. Ха-ха!

— Это не смешно!

— А это точно капитан? Или это у нас... шеф-повар с амбициями?

— Прекратите!

— Кто-нибудь вообще видел его вне экрана?

Я вернулась к себе. В кают-компании «штормило», но атмосфера пока еще оставалась подконтрольной. И все-таки было уже понятно: если сейчас не появится другая линия — более устойчивая, более точная — эта волна сама задаст кораблю новый крен. И уже не факт, что в ту сторону, куда стоит рулить.

Я медленно выдохнула. Значит, придётся работать. Почетные Сказочники тем и отличаются, что не ждут заказов, а выдают их сами — себе.

Но сначала надо собрать наблюдения и мысли воедино.

Понятно, что Кэп не столько успокаивал, сколько разворачивал людей лицом к тому, чего они ещё не успели испугаться. Интересно, что волна была запущена ещё до того, как в кают-компании погас свет. Включение из капитанской кухни с «проповедью» о страхе произошло в точно подобранный момент. Второй дедлайн. Он близился к концу, и люди ждали последствий для неуспевших. Похоже на сценарий. Многократно откатанный сценарий.

И всё же он ничего не сказал о крене. Не подредактировал ради него сценарий. Значит, не заметил? Или не придавал значения? Или ему не доложили? Очевидно, включение из рубки было одним из тех «консервов», которые запускает бот в точно назначенное время, когда эмоциональный «котел» уже кипит.

Стандартный инструмент управления состоянием группы в момент нарастания хаоса.

Точечно встроенные призывы к действию, замаскированные под инъекции смысла.

Псевдо-ответ, который лишь усиливает напряжение.

Страх — как триггер.

Узнаваемый почерк... За две с лишним тысячи лет метаисторической эры мало что поменялось... на таких планетах, как Пандарий.

Но в чем конечная цель? Для чего вот сейчас нужно удерживать команду в напряжении меж двух одинаково негодных альтернатив? Страх быть замеченным — и страх быть незамеченным. Классическая ловушка. И куда же она загоняет? В Шторм?

Хм... похоже, эта сказка решила втянуть меня внутрь себя. Ладно, утро вечера мудренее. Я подумаю об этом завтра.

— Лариса, включи Девятнадцатый ноктюрн.

— Включаю Девятнадцатый ноктюрн Шопена.

Перед тем, как нырнуть

Утром я проснулась со свежей головой и лёгкостью во всём теле. Со стены подмигнуло «око»: уровень кислорода, давление, пополнение пи-астров на личном счете. И — одно новое сообщение в дрифте.

Я не торопилась его открывать. Сначала — гимнастика, контрастный душ, завтрак, медитация.

И лишь потом я развернула складень. Но и сейчас я не спешила приступить к новому заданию. Надо было освежить в памяти всю информацию о штормах.

Нужная закладка в Кивипедии уже ждала на левой панели.

Вариант первый: «Шторм памяти» (Геомагнитный резонанс)

Что описывают свидетели*:

(*предыдущая правка — выжившие)

Корабль начинает трясти, но не физически, а «зрительно» — изображение на экранах двоится, предметы мерцают. Затем у всех членов экипажа одновременно начинаются яркие, произвольные воспоминания. Но не свои. Пилот видит детство инженера, инженер — первую любовь капитана и т. д. Через 20 минут начинаются галлюцинации у всех: люди видят умерших родственников, ходящих по коридорам. Связь с реальностью теряется. Если «шторм» сильный — экипаж начинает кричать на разных языках, которых раньше не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.